

Н.В. Федорова

*Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
Тел. (3432) 22-14-02
E-mail: istor@uran.ru*

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ И МИР СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ*

Введение

История средневековья Западносибирского Севера всегда воссоздавалась на базе археологических материалов. Письменные источники использовались лишь для подкрепления той или иной гипотезы, но их крайне мало: известны лишь краткие упоминания Югры (то ли как северо-востока Европы, то ли как северо-запада Сибири) в “Повести временных лет” и в Новгородских летописях, а также фантастические рассказы о северных диковинах в трудах арабоязычных писателей. Наконец, есть еще такой источник, как древнеисландские саги, в которых упоминается загадочная и так до сих пор географически не локализованная Биармия, но применительно к событиям западносибирского средневековья их ни один исследователь пока детально не рассматривал. Эта бедность письменных сведений и явная недостаточность археологической исследованности территории севера Западной Сибири (я имею в виду количество публикаций и обобщающих работ) явились причиной того, что в историографии сложился и даже устоялся ряд стереотипов, многие из которых касаются культурных и торговых связей западносибирского населения с ближними и дальними соседями. К ним относятся, в частности, представления о монополизации в XI – XIII вв. Новгородом пушной торговли с Севером и даже о проникновении новгородцев в это время в Зауралье, а также о “немой” торговле с северными народами, при которых продавец и покупатель, а вернее, обмениваю-

щиеся товаром стороны, друг друга не видят и не общаются напрямую. Появление этих и им подобных стереотипов связано с устойчивыми представлениями об отсталом, “таежном” облике западносибирских культур, приобщившихся к достижениям мировых цивилизаций только после присоединения к России. Что это в корне неверно – успешно доказывают данные археологических исследований последних десяти лет.

Постановка проблемы

Пожалуй, ничто так не мешает развитию науки, как устоявшиеся точки зрения, воспринимаемые в качестве аксиом. Поэтому я хотела бы внести лепту в “расшатывание стереотипов” и, во-первых, попытаться представить реальную картину взаимодействия представителей различных культур и народов на торговых путях северо-востока Европы и северо-запада Сибири, во-вторых, обосновать абсолютное несоответствие времени и месту термина “немая” торговли. Хронологические рамки работы – X – XIII вв. н.э.

Новгородцы и Югра. Некоторые аспекты взаимоотношений по данным письменных источников и археологии

Сразу оговорюсь, что не собираюсь вступать в обсуждение вопроса о местонахождении летописной Югры. Мне кажется вообще проблематичной точная локализация географических названий, о которых сообщают средневековые источники, свидетельством того является многолетняя и до сих пор незавершенная полемика по поводу местонахождения пунктов, которым

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01-01-412а.

соответствуют такие топонимы, как Югра (русские летописи), Вису и Йуры (сочинения арабоязычных географов), Бьярмаланда (древнеисландские саги). Главные трудности заключаются в необходимости учитывать и совмещать: а) средневековый менталитет, для которого естественно сведение в одну картину книжных стереотипов, религиозно-мифологических сюжетов и реальных свидетельств, а также представлений о пространстве ойкумены и времени, потребном для достижения ее крайних точек; б) археологические данные, подтверждающие или опровергающие ту или иную гипотезу; в) практику наименования “новооткрытых” стран по имени уже известному, так было с названием “Сибирь”, когда продвигавшиеся все далее к востоку русские отряды расширяли границы края вплоть до побережья Тихого океана. Примем за гипотезу, что Югра находилась на северо-востоке Европы и по мере продвижения новгородских дружин на восток, возможно, ее границы расширялись, охватывая и часть севера Западной Сибири.

Первое летописное свидетельство о Югре – знаменитый рассказ новгородца Гюряты Роговича, который был услышан летописцем в Ладого и помещен в “Повесть временных лет” под 1096 г. А.А. Шахматов доказывал, что этот фрагмент – вставка в текст летописи из второй редакции “Повести”, составленной около 1117 г. [1940, с. 25 – 26]. М.Х. Алешковский датировал его 1119 г. [1971, с. 12]. Сюжет рассказа общеизвестен, он неоднократно цитировался, поэтому повторять его полностью нет смысла, но хотелось бы обратить внимание на то, что отрок Гюряты был послан им в Печору, “к людям, дающим дань Новгороду”. Я думаю, что здесь речь идет не о регулярных даннических отношениях, а, скорее, о каких-то эпизодических успехах новгородских военных экспедиций. После посещения Печоры отрок отправился “во Югру; Югра же людье есть язык нем и *соседят* (выделено мной. – Н.Ф.) с Самоядью на полуночных странах... Югра же *сказала* отроку мому...” [ПСРЛ*, 1848, т.1, с. 107]. Из этого отрывка, на мой взгляд, следует, что, во-первых, Югра и Самоядь соседят друг с другом “на полуночных странах” (на севере), т.е. живут рядом, здесь нет упоминания о том, что Самоядь расположена к северу от Югры, как это часто понимается; во-вторых, хотя у Югры “язык нем” – непонятен, отрок все же его понимал, что, впрочем, следует и из дальнейшего текста, излагающего историю про “чудо”, рассказанное Югрой; в-третьих, довольно интересна попытка летописца объяснить местонахождение Югры через упоминание Самояди, как если бы ее (Самояди) местонахождение было уже известно.

Следующее известие о Югре и Самояди помещено под 1114 г.: “И еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полуночных странах...” [Там же, 1848, т. 2, с. 5]. За ним следует совершенно сказочный сюжет про тучу, из которой падали белки и олени. “Сему же ми есть послух посадник Павел ладожский и все ладожане” [Там же]. Никакой новой информации о Югре этот отрывок не содержит, записан, как и первый, в Ладого.

Следующая информация, в которой упоминается Югра, содержится в 1-й Новгородской летописи под 1187 г.: “В то же лето избиени быша Печерские данники и Югорские в Печоре, а друзии за Волоком, и паде голов о сте кеметьства” (цит. по: [Дмитриев, 1893, с. 49 – 50]). Из текста следует, что в неудачном походе за “данью” принимал участие отряд, включавший более чем 100 воинов (только 100 воинов было убито), причем не сообщается, что они дошли до Югры.

Под 1193 г. в той же 1-й Новгородской летописи приведено наиболее полное описание события, произошедшего с новгородским отрядом в Югре. Это знаменитый (по частоте упоминания, но не по результатам) поход воеводы Ядрея с ратью. Кратко сюжет можно изложить так: воевода Ядрей с ратью взял один из городов в Югре и подступил к другому, Югра же, пообещав дань серебром и соболями, вместо этого собрала войско и с помощью новгородца Савки заманила воеводу с его лучшими людьми в город и порубила их всех. Причем Савка просил князя югорского не оставлять в живых некоего Якова Прокшинича, который мог привести новую рать из Новгорода в Югру и отомстить за погибших. Оставшиеся 80 чел. с великими трудностями “чрез всю зиму” добрались до Новгорода, где убили трех человек за то, что они “совет державше с Югрою” [Там же, с. 51]. В этом отрывке содержится несколько фактов, важных для дальнейшего понимания обстановки: во-первых, новгородцы, несмотря на упоминание даннических отношений, ходят в Югру с немалой ратью: около 100 чел. было убито, как минимум 80 чел. добралось до Новгорода; во-вторых, упоминается, что Югра откупалась от новгородцев соболями и серебром, по-видимому, изделиями из серебра и явно не югорского происхождения, т.к. никакого серебра в этих местах не добывали; в-третьих, выясняется, что с Югрой контактировали не только официальные новгородские рати, но и еще какие-то люди (Савка и убитые в Новгороде), явно не хотевшие конкуренции даже со стороны своих “братьев”.

В XIII в. не отмечено ни одного предприятия новгородцев в Югре, но в первой половине XIV в. состоялись два неудачных похода под 1323 г. и 1329 г., причем оба раза новгородцев “избиша” устюжане. До 1364 г. в летописях нет упоминаний об удачах новго-

* Здесь и далее “Полное собрание русских летописей.”

родцев в подобных экспедициях. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что в XI – XII вв. Югра никак не была включена в сферу влияния Новгорода и тем более не платила регулярной дани; кроме того, походы по суше через огромные пространства с отнюдь не дружественными Новгороду обитателями были крайне опасными и далеко не всегда прибыльными. Об этом же в книге, посвященной торговле Новгорода в XI – XIV вв., пишет А.Л. Хорошкевич: “Сравнительно небольшое количество соболя в новгородском экспорте... также свидетельствует о слабости новгородских связей с Печорой, поскольку соболь на территории европейской части России водился в то время преимущественно в районе Печоры” [1963, с. 51].

Есть ли какие-то археологические следы тесных, как полагают многие исследователи, контактов с Новгородом на северо-востоке Европы и в Западной Сибири? Следует сразу оговориться, что их и не может быть много, поскольку в культурном слое памятников сохраняются лишь изделия из металла, стекла, керамики, в редких случаях – из кости. В материалах из археологических памятников на территории Республики Коми фиксируется некоторое количество вещей, связанных по происхождению с северо-западом Руси, в частности с Новгородом. Это преимущественно мелкие бронзовые и редко – серебряные украшения: шаровидные бубенчики, некоторые типы пронизок, полые коньковые подвески, лунницы, перстни [Археология Республики Коми..., 1997, с. 597 – 600]. Возможно, древнерусского происхождения какая-то часть железных изделий, найденных на Вымских памятниках. Вероятно, среди ввезенных на территорию современной Республики Коми новгородских товаров были ткани, от которых ничего не осталось. Иными словами, все находки, связанные по происхождению с Новгородом или другими центрами Северо-Западной Руси, представляют собой ремесленный ширпотреб, говоря современным языком, причем по количеству да и качеству он уступает вещам, например, из Булгарии или Верхнекамья.

Еще меньше следов таких контактов за Уралом. Из приводимых в сводке В.А. Могильникова 24 предметов “русского импорта в Приобье и местных подражаний” им [1987, с. 340, табл. ХСII] большая часть либо не имеет точного адреса производства (железные топор и кресала), либо является местным подражанием (литые подвески с имитацией зерни), либо попала в Приобье через булгар (бусы, витые браслеты и перстень с черневым щитком булгарского производства). К наименее спорным находкам до сих пор относились меч, обнаруженный на памятнике Преображенка III в Чановском р-не Новосибирской обл. [Молодин, 1976, с. 125 – 127], и византийская чаша из Березова с древнерусской надписью XII в. Меч найден далеко к югу от рассматриваемого региона, реконструировать его

путь от места изготовления до западносибирской лесостепи сложно. Во всяком случае этот сюжет не имеет прямого отношения к теме данной статьи. Что же касается чаши, то она действительно была приобретена в 1867 г. в г. Березове у человека из семьи, переселившейся из Нижнего Новгорода [Сокровища Приобья, 1996, с. 142]. Данные, которые могли бы пролить свет на обстоятельства находки этой чаши, не известны, как неизвестно и то, каким образом и где на нее была нанесена эта надпись. Таким образом, чаша вряд ли может *бесспорно* свидетельствовать о торговле Руси с Западной Сибирью в XII в.

Итак, судя по летописным источникам, можно зафиксировать явное стремление новгородцев в северные земли Приуралья и Зауралья. Их привлекали товары, в которых нуждались новгородские купцы-международники и которые можно было добыть только на Севере. Этими товарами были в первую очередь меха белки, соболя, куницы, черной и красной лисы, горностая, бобра, песца и т.д. Наибольшую ценность представлял мех соболя, зверя, которого в отличие от родственной ему куницы можно назвать сибирским. Границы его ареала на западе за Уралом охватывали верховья Печоры [Соболь..., 1973, с. 25]. В XV – XVI вв. соболем были населены все таежные уголья Приобья [Монахов, 1995, с. 26]. Соболь обитает почти во всех природных зонах Севера: в предтундровом и лесотундровом редколесье, в северотаежных лесах, но предпочитает средне- и южно-таежные леса, особенно районы с хорошим кедровником [Соболь..., 1973, с. 12]. Видимо, для добычи соболя в Печоре и Югре с конца I – начала II тыс. сложились особенно благоприятные условия. Согласно палеоклиматическим исследованиям, в субарктических районах Урала и Сибири с VIII по XIII в. н.э. температура летних месяцев возрастала, что способствовало продвижению к северу границы леса [Ваганов, Шиятов, Мазепа, 1996, с. 17]. Поскольку свидетельства о добыче соболя до XVI в. отсутствуют, можно лишь предполагать размеры этой добычи, исходя, например, из того, что в 1586 г. на Западную Сибирь был наложен ясак в 200 тыс. соболей [Монахов, 1995, с. 27], в правление Алексея Михайловича (1645 – 1676) только за одно лето из Архангельска (в данном случае транзитного пункта) были отпущены 579 сороков соболей, 18 742 соболиного хвоста, 598 соболичьих опущек, 15 550 соболичьих кончиков [Соболь..., 1973, с. 144]. Такое количество, естественно, было слишком большим, “перепромысел” привел к необходимости введения уже с конца XVII в. ограничений на добычу соболя. Приведенные цифры, кажется, вполне оправдывают стремление новгородцев в Югру.

С Северного и Приполярного Урала, возможно, вывозили также охотничьих птиц, в частности, соколов. Лучших соколов для охоты, как отмечает

Н.И. Кутепов, привозили с Приполярного Урала [1896]. Они высоко ценились при дворах русского Великого князя и других европейских государей, их вывозили из Новгорода иностранные купцы, несмотря на трудности транспортировки [Хорошкевич, 1963, с. 158]. Замечу, что соколы ценились не только при европейских дворах, но и во всем средневековом мире – от Китая [Шефер, 1981, с. 131 – 135] до Британских островов, с IX в. “охота с соколом” становится одним из популярнейших сюжетов исламского искусства от Хорасана до мавританской Испании.

Думаю, что это были далеко не все товары, привлекавшие торговцев на северо-восток Европы и в Западную Сибирь. Вероятно, можно отметить еще мамонтовые бивни, моржовые клыки и шкуры, бобровую струю, кедровые орехи и т.д. С учетом вышесказанного можно констатировать, что стремление новгородцев в эти районы, несмотря на систематически постигавшие их неудачи, было вполне обоснованным. Но, конечно, ни о какой монополизации северной пушной торговли Новгородом речь идти не может, равно как и о том, что “новгородцы с конца XII – XIII в. стали селиться в Югре, организуя подобия торговых факторий” [Могильников, 1987, с. 215].

Йура восточных (арабоязычных) источников. Археологические следы торговли на “меховом” пути

Тема северной торговли появляется в известиях арабоязычных писателей о Восточной Европе начиная с X в. (Ахмад Ибн-Фадлан), а возможно, и раньше [Заходер, 1967, с. 59]. В них же содержатся и первые описания т.н. немой торговли, при которой обменивавшиеся товаром стороны не видят друг друга. Эти описания связаны со странами, которые называются Вису и Йура. Повторяю, я не собираюсь вступать в полемику по поводу соотношения этих географических понятий с конкретными территориями, отмечу лишь, что Йуру часто отождествляют с Югрой русских летописей [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., 1971, коммент., с. 101 – 105]. Принимаю как вполне вероятную гипотезу локализацию Вису где-то в районе Верхнего Прикамья, а Йуры – к северу от него или, возможно, к северо-востоку [Федорова, 1984, с. 12]. Итак, Ибн-Фадлан упоминает, что из страны Вису “привозят соболей и черных лисиц” [Ковалевский, 1956, с. 138]. Более северные народы ему неизвестны. В описании Ибн-Фадлана к северу от Вису обитали сказочные Йаджудж и Маджудж, запертые там Александром Македонским [Там же, с. 138 – 139], – довольно типичный сюжет для средневековых книжников как Востока, так и Запада (они же Гоги и Магоги из колена Иафетова русского летописца). Более реальные черты эти описания приобретают

с XII в. Так, ал-Марвази в своем компилятивном труде “Умственные свойства животных”, составленном около 1120 – 1121 гг. [Заходер, 1996, с. 327], пишет: “На расстоянии пути в двадцать дней от них (булгар. – Н.Ф.) по направлению к полюсу страна, называемая ису, а за ней люди, зовут их йура” [Заходер, 1967, с. 61]. Ему вторит ал-Гарнати: “...а за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура” [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., 1971, с. 32]. Он же описывает многоступенчатую торговлю с народами Севера: “...мечи привозят из стран ислама... затем болгарцы везут их в Вису... затем жители Вису везут их в Йуру...” [Там же, с. 34]. И, наконец, пассаж о “немой” торговле из рассказов знаменитого путешественника XIV в. Ибн-Баттуты, объехавшего все мусульманские страны, но, бесспорно, писавшего о дальних северных краях не по личным впечатлениям: “...путешественники останавливаются в стране Мрака, выкладывают привезенные товары и уходят на место своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, где оставили товары, и находят там для обмена соболей, белок и горностаев. Если торговец доволен меной, то берет ее тотчас с собой, в противном случае оставляет ее на месте вместе со своим товаром. На следующий день жители делают прибавку к мехам, и купцы берут их, оставляя взамен свои товары. Таким образом происходит их купля и продажа. Те, которые там бывают, не знают, с кем они ведут торговлю – с людьми или с духами; они никого не видят в лицо...” (цит. по: [История Ханты-Мансийского автономного округа..., 1999, с. 18]).

Статьи ввоза товаров на Север и вывоза их оттуда отражены в источниках неравномерно, поскольку пишущих о северной торговле авторов в первую очередь интересовала северная экзотика, купцы же, которые могли бы осветить это лучше, не оставили документов и мемуаров, а из их рассказов заимствовалось то, что могло заинтересовать средневекового читателя. Среди статей вывоза упоминаются главным образом меха, возможно, они и были главным торговым эквивалентом. В некоторых источниках фигурирует еще “слоновая кость” – вероятно, мамонтовые бивни и моржовые клыки; ал-Гарнати упоминает еще невольников и невольниц. Ввозили оружие (“мечи из стран ислама” – ал-Гарнати), пастовые, стеклянные и хрустальные бусы, ткани. В одном из погребений могильника Сайгатинский III был найден обрывок шерстяного ковра, возможно, какие-то пищевые деликатесы и благовония [Зыков и др., 1994, с. 67]. Но главной статьей ввоза на северные рынки – во всяком случае, по количеству сохранившихся вещей – были серебряные сосуды, украшения и серебряные принадлежности костюма. Первоначальный завоз серебряной утвари в Прикамье, по мнению большинства исследователей, начался около IX в. и был свя-

зан с выводом из обращения огромного количества сасанидского и согдийского серебра после арабского завоевания Ирана и Средней Азии. В Прикамье известно более 100 кладов, в каждом из которых найдено не по одному сосуду [Даркевич, 1976]. По-видимому, утварь с чуждыми исламу сюжетами скупалась торговцами по цене лома, что делало выгодным ее обмен на драгоценную пушнину. Понятно, почему об этой статье “экспорта” на Север не упоминает ал-Гарнати – в XII в. серебро уже не вывозилось в крупных масштабах в связи с “серебряным кризисом” на Ближнем Востоке. Представляется, кстати, весьма вероятным, что все это огромное количество сасанидского и согдийского художественного металла попало в Прикамье в очень ограниченный промежуток времени после разгрома Средней Азии арабами и являлось частью попавшей в их руки военной добычи. Но уже вскоре, после утверждения первых мусульманских государств на территории Ирана и Средней Азии, среди их владык считалось почетным возводить свой род к Сасанидам. Скорее всего, к этому времени серебряная сасанидская посуда превратилась в раритет и вряд ли вывозилась в большом количестве.

Ввозить восточную художественную утварь в Приобье начали позже, чем в Прикамье, около X в. Поэтому и состав ее иной – иранские серебряные сосуды IX – XI вв., болгарские серебряные изделия X – XIV вв., золотоордынская торевтика и т.д. [Федорова, 1984; Крамаровский, Федорова, 1991; Зыков и др., 1994]. Отдельным сюжетом представляется история попадания на север Западной Сибири западноевропейских и византийских серебряных сосудов конца XII – начала XIII в. Упоминаемая в источниках многоступенчатость торговли хорошо документируется составом импортных вещей в материалах археологических памятников Западной Сибири (могильниках и кладах): вещи, привезенные издалека, как бы дополняются изделиями болгарских ювелиров и прикамских ремесленников [Зыков и др., 1994, с. 66 – 67].

Столь развитая и долголетняя торговля ставит под сомнение тезис о “немой” торговле. Купцы были осведомлены о запросах и емкости северного рынка, даже если эти сведения передавались “по эстафете”. Булгарские ювелиры, как мне уже неоднократно приходилось писать, великолепно знали не только объем потребностей своих северных покупателей, но и их, если можно так выразиться, духовные запросы: изображенные ими на блюдах и бляхах сюжеты максимально приближены к восприятию северянами, некоторые типы ювелирных украшений, особенно в XII – XIV вв. (например, многочисленные серебряные лапчатые подвески с зернью и сканью, обнаруженные в могильниках Сайгатинский III и IV [Зыков и др., 1994, с. 108]), видимо, делались на заказ.

Подытоживая обзор сведений арабоязычных авторов о торговле с северными народами и археологических свидетельств о ней, можно сделать вывод о процветании торговых связей этого направления в IX – XIV вв., что не позволяет относиться с доверием к рассказам о “немой”, т.е. бесконтактной, торговле, которые, по-видимому, включались во многие сочинения и с целью придания им занимательности для средневекового читателя, и для отпугивания возможных конкурентов.

Торговля по Северному морскому пути: постановка проблемы

В уже упоминавшемся сочинении ал-Марвази есть свидетельство, которое никак не тиражировалось другими авторами: “За страной йура (находятся) береговые люди, они плавают в море без нужды и цели, а лишь для прославления самих себя, что вот мол они достигли такого-то и такого-то места. Они – люди, находящиеся на крайней степени глупости и невежественности: вот едут они на кораблях по морю, и вот встретились два корабля, привязывают их оба моряки один к другому, обнажают мечи и сражаются; кто остался победителем, тому и владеть обоими кораблями. Далее находится Черная земля, а в море водится рыба, клыки которой употребляются на разного рода поделки: ручки для кинжалов и т.д.” (цит. по: [Заходер, 1996, с. 297]). Пассаж этот никак не комментируется. Б.Н. Заходер отмечает лишь, что хотя текст ал-Марвази представляет собой сокращенную параллельную передачу тех же сообщений, которые встречаются у Ибн-Русте и Гардизи, “оригинальный и в значительной части уникальный характер носит у Марвази описание народов иса-йура” [Там же, с. 327]. Рассказ выглядит довольно странным в контексте описаний торговых успехов арабоязычных купцов и увиденных ими далеких земель. Полное неприятие автором людей “плавающих без нужды и цели” при заметном реализме отрывка вызывает в памяти еще один отрывок, а именно, впечатления Ибрагим ал-Таруши из Кордовы от его посещения ярмарки в Хедебю (современная Дания), в частности, от пения местного населения: “Никогда не слышал столь гнусного пения, их глотки исторгают вой, подобный собачьему, только еще более дикий”. Интересно, что даже фантастические Йаджуджи и Маджуджи, запертые на севере Александром Македонским, не вызывали у арабоязычных авторов такого резко отрицательного отношения. Может быть, в данном случае ал-Марвази описал людей для него вполне реальных? Если это так, то вполне возможно, он имел в виду скандинавских мореходов, совершавших, скорее всего, гораздо более разнообразные по направлению и дальности походы, чем считалось до сих пор.

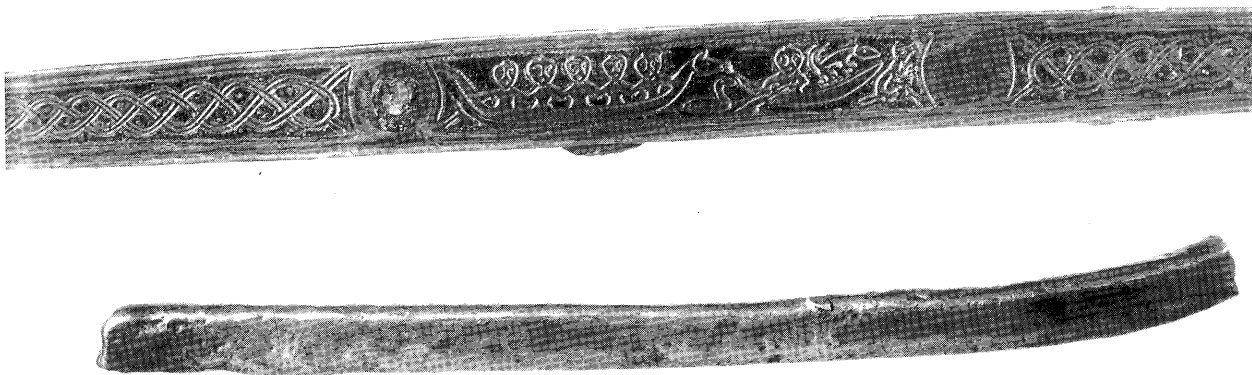

Рис. 1. Булгарское серебряное очелье с изображением ладьи.

“Достоверно известно, что около 970 г. норвежский конунг Харальд Серая Шкура приплыл к устью Сев. Двины” [Глазырина, 1996, с. 41], а последний поход викингов на восток (или северо-восток), в Бьярмаланд, относится к 1222 г. [Там же, с. 38], т.е. ал-Марвази, писавший свое сочинение в XII в., вполне мог слышать о них. Тем более что имеются свидетельства посещения скандинавскими купцами ярмарок Биляра и Болгара. Скандинавские вещи в стиле Борре, обнаруженные на памятниках Верхнего Прикамья [Белавин, 2000, с. 154], по мнению некоторых исследователей, попали туда через Волжскую Болгарию [Иванов, 1998, с. 139].

“Плавающими в море без нужды и цели”, вероятно, могли быть и северорусские (новгородцы-ладожане) мореходы, хотя в письменных источниках этого времени морские экспедиции Новгорода Великого не упоминаются. Исследователи северорусского судостроения отмечают два периода новгородской активности в судостроении: X – XI вв. и XIII – XIV вв. “Хронологически раннему периоду соответствует время интенсивных контактов со Скандинавией и, вероятно, миграций населения, а позднему – экономический расцвет Новгородской республики и связанные с ним активизация торговли (в том числе и международной), а также освоение и колонизация обширных северных территорий” [Дубровин и др., 2001, с. 158].

Можно считать очевидным, что зауральское (западносибирское) население знало, причем с довольно ранних эпох, лодки и прекрасно умело на них передвигаться по рекам. Первые реальные свидетельства о наличии долбленых лодок можно отнести к концу XI в. н.э. Детские игрушечные лодочки из культурного слоя городища Ярте VI на Ямале и захоронения в лодках, зафиксированные на могильнике Зеленый Яр близ г. Салехарда, позволяют представить их конструкцию. Археологические наблюдения совпадают с некоторыми сюжетами героических сказаний обских угров,

в которых описываются дальние военные экспедиции героев-богатырей, причем упоминаются лодки: “Они сели в глубоко сидящую лодку с водяной кормой, чтобы грести при помощи пальчатого весла, имеющего перекладину наподобие пальца” [Мифы..., 1999, с. 145], “Подобно выдре с заостренным телом, он (богатырь. – Н.В.) извивался в своей глубоко сидящей лодке с водяной кормой в эту сторону, извивался в ту сторону и показывал все уловки, все хитрости, какие только есть” [Там же, с. 147], “Оба князя опускают весло в воду у носа лодки и вынимают его у кормы” [Там же, с. 151]. В этой связи интересны сведения, содержащиеся в гораздо более поздних источниках, а именно, челобитных XVII в. о нападениях на русские отряды “воровской самояди”. Эта самая самоядь, кроме кочей, которые, как правило, уничтожались, забирала все, что могла, – “и животину имали, и неводы, и сети, и лодки, и ветки, и котлы, и якори, и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекли” [Очерки истории Югры, 2000, с. 167]*. Иными словами, брали имущество, которое могло пригодиться, кочи же уничтожались, возможно, по двум причинам: 1) население севера Западной Сибири просто не знало, как можно управлять относительно большими судами; 2) кочи были для них олицетворением силы русской администрации. Мне кажется более верным первое предположение.

Большая ладья изображена на серебряном очелье XII – XIV вв. работы булгарских мастеров, которое было найдено до 1876 г. где-то на Иртыше [Сокровища Приобья, 1996, с. 102, 103] (рис. 1). Само по себе изделие не уникально. Еще одно очелье, украшенное орнаментом в виде плетенки на черном фоне, было найдено в могильнике Сайгатинский IV [Крамаровский, Федорова, 1991, с. 22]. В Западной Сибири обнаружено пять целых подобных украшений и четыре

* Благодарю Е.И. Вершинина, который обратил мое внимание на этот сюжет.

во фрагментах. Необходимо отметить, что такой тип украшения, как очелье в виде серебряной ленты с зауженными концами, характерен для западносибирских памятников начала – середины II тыс. н.э. – XIX в. Совершенно очевидно, что все эти украшения были изготовлены булгарскими мастерами если не по прямому заказу западносибирских покупателей, то во всяком случае с учетом их потребностей. В этой связи вызывает интерес уникальный сюжет в центральной части очелья (см. рис. 1): две лодки, одна маленькая, на ней – человек с веслом, на носу – собака, перед лодкой – пушной зверь и рыба, от которой на изображении виден только хвост, сзади лодки – водоплавающая птица, за ней – другая лодка, вернее, большая ладья, нос и корма ее одной высоты, на носу помещена скульптурная голова животного, на корме изображено нечто, что можно интерпретировать как рулевое весло, но что может быть и компартиментом плетеного орнамента. В лодке сидят пять человек, взявшись за руки. Ни весел, ни паруса не видно. Люди “остроголовые”, стилистически напоминают т.н. бляхи с сокольников, вернее, бляхи с изображением всадника. На этих бляхах также изображены пушные звери, собаки и водоплавающие птицы. Некоторые из них изготовлены мастерами той же школы булгарских торевтов, что и очелье [Там же, с. 7]. Сюжет с ладьей, интерпретация которого сложна и вряд ли будет адекватна, на вещи, сделанной на потребу западносибирского заказчика, требует размышления.

Мне кажется вполне правомерным обратиться к сюжетам викингских саг, в которых упоминаются плавания в Бьярмаланд. Локализация этого топонима относится к числу спорных. Одни последователи локализуют Бьярмаланд на территории Кольского полуострова, вторые – на Северной Двине. Я считаю для себя бессмысленным вступать в полемику по этому вопросу, но мне более всего импонирует высказывание Г.В. Глазыриной: «Возможно, название “Бьярмаланд” передавало представления о пределах населенной земли – крайняя земля, находящаяся на границе с миром легендарным. Не случайно именно так и описывает этот регион автор одного из географических трактатов – Гриппы: “От Бьярмаланда лежит незаселенная земля”» [1996, с. 43]. Более того, можно допустить, что почти за 300 лет плавания в Бьярмаланд границы этой “крайней земли” должны были меняться, сдвигаясь в сторону неведомых земель, т.е. к востоку или северо-востоку. Собственно, так же считает и Г.В. Глазырина, но, с ее точки зрения, сдвиг шел от Кольского полуострова до Северной Двины [Там же, с. 40 – 41], а я осмеливаюсь предположить, что скандинавские мореплаватели могли проникать и много восточнее, теплый климат в конце I – начале II тыс. явно благоприятствовал путешествиям по северному морскому пути.

Пожалуй, наиболее подробный рассказ о путешествии в Бьярмаланд содержится в сочинении Снорри Стурлусона “Круг Земной”. В очень кратком изложении его сюжет таков. Конунг Олав посылает своих людей – Карли и его брата Гуннстейна – в торговую экспедицию в Бьярмаланд, они вступают “в товарищество”, каждый (конунг и братья) владеет половиной имущества и, соответственно, половиной прибыли. Снаряжается торговый корабль, на котором около 25 людей. О готовящейся экспедиции узнает некий Торир Собака, владеющий большим боевым кораблем. Он напрашивается в компаньоны к братьям, причем спускает свой боевой корабль и берет, соответственно, около 80 чел. В Бьярмаланде они сначала торгуют, очень удачно приобретая “огромное богатство”, состоящее из мехов белки, бобра и соболя. После окончания торгов скандинавы грабят святилище местного божества, забирая себе серебряную посуду, монеты и украшения. Нет смысла приводить здесь весь сюжет, хотя он крайне интересен и даже поучителен для историка. Для нашей темы важны несколько моментов: во-первых, упоминается, что “когда они приплыли в Бьярмаланд, то остановились они в торговом месте” (цит. по: [Там же, с. 204]); во-вторых, говорится: “когда закончилась торговля... Было объявлено, что мир с местными жителями окончился” [Там же], т.е., исходя из текста, можно предположить наличие неких торговых центров, своего рода международных ярмарок. Подобные ярмарки хорошо известны и изучены на северо-западе Европы, были они и в Волжской Болгарии, Биляре и Булгаре, где бывали скандинавские торговцы, и где, кстати, было изготовлено очелье с изображением ладьи. Совершенно очевидно, что места торжищ должны были быть всюду, где велась подобная торговля, в т.ч. и на северо-востоке Европы, а также в Зауралье; в-третьих, проводником в пути на святилище, которое ограбили викинги, выступает Торир Собака, он же рассказывает о том, каким образом сокровища попадают на святилище, о своем знании, что там можно взять, как это святилище охраняется, как сбить со следа погоню и т.д. Вероятнее всего, Торир Собака раньше уже бывал в Бьярмаланде, хотя и не афиширует это, иначе трудно представить, откуда у него столь точные познания о местной религиозной практике и некоторых обычаях. Следует отметить, что для викингов походы в Бьярмаланд были делом, которое могло их прославить на всю жизнь, поэтому чаще всего участие в них не только не скрывали, но и делали предметом гордости. Ситуация напоминает новгородскую: были официальные рати, ходившие в Югру, и об этом, как о значительных деяниях, рассказывали летописи, и были некие люди, которые вели свои дела с Югрой скрытно, но о них мы узнаем только случайно в контексте сообщений о тех же официальных походах.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание в рассказе о посещении Бьярмаланда братьями Карли и Гуннстейном и Ториром Собакой, – описание их кораблей. Кораблей было два – торговое судно, очевидно, типа кнорра, со сравнительно небольшим числом гребцов и большой боевой корабль, команда которого могла насчитывать до 60 – 80 гребцов. Корабли этих типов могли пересекать значительные пространства в открытом море, а также идти вдоль берегов, заходить далеко в сравнительно мелкие реки и приставать практически к любому берегу. Мореходные качества кораблей викингов известны, благодаря им стали возможны замечательные географические открытия от Исландии до Америки. Иными словами, физическая возможность совершать далекие каботажные плавания вдоль берегов Северо-Восточной Европы и даже Западной Сибири у них была. Но есть ли какие-нибудь следы этих плаваний в археологических материалах?

Вообще как ни странно, но скандинавские контакты с приуральским и зауральским населением со времени выхода работы О.Н. Бадера и А.П. Смирнова [1954] почему-то не изучались, а все свидетельства наличия каких-то западных связей Приуралья и севера Западной Сибири интерпретировались как новгородские. Лишь в последней книге А.М. Белавина [2000] приводятся соображения о реальности поездок купцов из Приуралья в страны Балтии и наоборот. Отдельные скандинавские предметы обнаружены намного восточнее места их изготовления; овальная скандинавская фибула есть в коллекции Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея [Сокровища Приобья, 1996, с. 164]. Единичность этих находок не снимает вопроса с обсуждения. Артефактов много быть и не может, потому что основными товарами, вывозимыми скандинавскими ремесленниками, были сукно и железные изделия, которые очень плохо сохраняются в культурном слое археологических памятников. Размышлять на тему контактов заставляют, например, мифологические и фольклорные сюжеты [Головнев, 2001, с. 35], некоторые оригинальные мотивы в изобразительном творчестве средневековых мастеров Приуралья и Западной Сибири, которые нельзя объяснить только местными идеями [Федорова, 1984] и т.д. Хорошим, но не единственным примером использования таких мотивов могут служить навершия биметаллических кресал. Только на территории Западной Сибири их было обнаружено около 10 экз., из них 4 экз. выполнено в виде вариаций на тему “один и два ворона” [Зыков и др., 1994, с. 89 – 90; Семенова, 2001, с. 179], по крайней мере, 1 экз. – фигура зверя с развернутой на спину головой и разинутой пастью [Зыков и др., 1994, с. 91], напоминает изображения животных в стиле “ringerike”. Не исключено, что все эти вещи изготовлены запад-

носибирскими мастерами, следовательно, чтобы скандинавские сюжеты или изобразительные приемы были усвоены в местной среде, нужны были прямые контакты.

Все, о чем написано в этом разделе, представляет собой, скорее, материал для выдвижения гипотез, чем основанные на анализе источников выводы. Данных для заключений пока недостаточно, но размышления на эту тему могут дать много для понимания истории взаимоотношений разных народов на севере Европы и Западной Азии. Тем более что следующий период – конец XII – XIII в. – демонстрирует довольно неожиданную картину прямых торговых связей севера Западной Сибири и Западной Европы.

Западноевропейское сокровище на Обском Севере

В середине 80-х гг. XX столетия в районный краеведческий музей пос. Мужы (Приуральский р-н Ямало-Ненецкой а. о.) был передан клад, состоящий из четырех серебряных сосудов, вернее двух чаш без крышек и двух крышек от других чаш. Одна чаша была изготовлена в Византии [Сокровища Приобья, 1996, с. 149 – 161] (рис. 2), три – на севере Западной Европы [Там же, с. 165 – 197] (рис. 3 – 5). Все четыре сосуда демонстрировались в 1996 г. на выставке “Сокровища Приобья” в Эрмитаже, после чего они совершили тур по зарубежным музеям, где пользовались вполне заслуженным успехом. В Эрмитаже хранятся поступившие туда в XIX в. еще два серебряных западноевропейских сосуда, вернее чаша без крышки и крышка от другой чаши, из Нижнего Приобья. Точное место их находки неизвестно. Наконец, шестой западноевропейский сосуд был обнаружен также в низовьях Оби (некоторое время он был экспонатом коллекции А. Базилевского в Париже, в настоящее время находится в собрании музея Метрополитен в Нью-Йорке). Все сосуды настолько похожи, что связь их с одним или несколькими очень близкими центрами производства вряд ли может серьезно оспариваться. Более того, все они найдены приблизительно в одном районе Нижнего Приобья. Следовательно, завезены они были, вероятно, “на одном корабле”, иначе придется предположить, что серебряные с чернью западноевропейские чаши, которых и в музеях Европы, Америки единицы, завозились на север Западной Сибири регулярно, что выглядит абсолютно не правдоподобным. Во введении к каталогу “Сокровища Приобья” Б.И. Маршак приводит рассказ из “Жизнеописания трубадуров”, в котором говорится о щедрости “юного короля Генриха” – брата Ричарда Львиное Сердце: “Один бедный рыцарь увидел однажды крышку от серебряной чаши и подумал: “Если мне удастся ее похитить, мои до-

Рис. 2. Византийская серебряная чаша с изображением вознесения Александра Македонского.
Фото Ю.А. Морозова.

Рис. 3. Западноевропейская чаша из Нижнего Приобья.
Фото Ю.А. Морозова.

Рис. 4. Крышка от западноевропейской чаши из Нижнего Приобья. Фото Ю.А. Морозова.

Рис. 5. Крышка с “яблоком” от западноевропейской чаши из Нижнего Приобья. Фото Ю.А. Морозова.

машине будут обеспечены на многие дни”, и украдкой взял ее”. Далее следует сентиментальный рассказ о щедром короле, который не только оставил бедному рыцарю крышку, но и отдал чашу [Сокровища Приобья, 1996, с. 25]. Для понимания ситуации важно обратить внимание на оговорку о том, что домашних можно обеспечить “на многие дни”, похитив только

одну крышку. Иными словами, по средневековым меркам чаши представляли собой сокровище. И если подобное сокровище завозилось в Западную Сибирь, это значит, что местное население воспринималось в качестве серьезного партнера, а не прячущихся среди глухумани дикарей, которых западноевропейские купцы в глаза не видели. Кроме того, локализация этих

уникальных предметов указывает, на мой взгляд, на то, что сосуды были завезены именно на корабле, причем западноевропейском. Об этом свидетельствуют однородность “товара” и его отличная сохранность. Путь по суше, как следует из хроники новгородских походов, был сопряжен с опасностями, которые ставили под сомнение возможность доставки всех этих сосудов на Западносибирский Север. Наличие в комплексе византийской чаши не противоречит сделанным выводам, т.к. она, скорее всего, попала в Западную Сибирь через Европу, как, впрочем, и еще несколько византийских сосудов, обнаруженных в Нижнем Приобье.

История византийской торевтики в Прикамье и Западной Сибири сама по себе могла бы послужить темой отдельной статьи. Здесь же важно констатировать, что Северный морской путь в средние века успешно функционировал, связывая Западную Сибирь с западноевропейскими торговыми центрами. Посещение севера Западной Сибири западноевропейскими, в частности английскими, мореплавателями зафиксировано в источниках XVI в.: в 1584 г. агенту Московской компании Энтони Маршу холмогорские купцы сообщали: “...некогда ваши люди уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их” [Очерки истории Югры, 2000, с. 99]. Вероятно, это была не первая встреча западноевропейских мореплавателей с самоедами, иначе откуда у последних появилось представление о том, что их “хотели ограбить”?

Выводы

Итак, очевидно, что использование термина “немая” торговля применительно к торговле между Западной Европой и Северо-Западной Сибирью в начале II тыс. н.э. нельзя считать корректным. Развитые контакты, хорошо документированные обилием импортных металлических вещей, могут являться убедительным свидетельством анахронизма этого термина.

Рассмотренные направления торговых связей позволяют говорить о том, что из стран Ближнего Востока товары шли по Великому Волжскому пути через рынки Волжской Болгарии и Верхнекамские центры в Западную Сибирь. Гораздо более слабыми выглядят следы новгородской и скандинавской торговли. До сих пор не ставилась задача поиска остатков международных торжищ на Северо-Востоке Европы и в Западной Сибири. В изучении торговых связей Западной Сибири с миром средневековых цивилизаций представлена пока только статика процесса, т.е. количество импортных вещей и их локализация на конкретных археологических памятниках Нижнего и Среднего Приобья. Исследование динамики или того, как происходил завоз этих вещей, —

дело будущего. В этом направлении сделаны первые шаги — рассмотрена возможность попадания на Западносибирский Север серии западноевропейских серебряных сосудов XII — начала XIII в.

Прибыльность северной торговли породила несколько явлений. И в русских летописях, и в древнеисландских сагах прослеживается борьба между “государственными” людьми, прокладывавшими путь к пушным богатствам, и частными компаниями, действовавшими на свой страх и риск: братья Карли и Гуннстейн, с одной стороны, и Торир Собака — с другой; рать новгородского воеводы Ядрея и Савка “со товарищи”. Попытки монополизации северной торговли предпринимали и болгарские правители. Так, у Ахмада Ибн-Фадлана приводится рассказ об одном индийском купце, который хотел сам отправиться на север, но ему пришлось долго добиваться этого разрешения от царя болгар [Белавин, 2000, с. 31]. Вероятно, рассказы о “немой” торговле и ужасах пути на Север, являющиеся общим местом во многих сочинениях как арабоязычных авторов, так и русских летописцев, преследуют, как минимум, две цели. Одна из них благородна — развлечь и просветить средневекового читателя, другая сугубо утилитарна — отпугнуть возможных конкурентов, пожелавших принять участие в торговле с северными народами.

Список литературы

- Алешковский М.Х.** “Повесть временных лет”: судьба литературного произведения в Древней Руси. — М.: Наука, 1971. — 136 с.
- Археология** Республики Коми с древнейших времен до средневековья / Л.И. Ашихмина, И.О. Васкул, А.В. Волокитин, Т.В. Истомина, М.В. Кленов, К.С. Королев, Л.Л. Косинская, А.М. Мурыгин, П.Ю. Павлов, Э.А. Савельева, В.С. Стоколос. — М.: ДиК, 1997. — 757 с.
- Бадер О.Н., Смирнов А.П.** “Серебро закамское” первых веков нашей эры. — М.: ГИМ, 1954. — 26 с.
- Белавин А.М.** Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь: Изд-во ПермГПУ, 2000. — 196 с.
- Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С.** Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской субарктике. — Новосибирск: Наука, 1996. — 245 с.
- Глазырина Г.В.** Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. — М.: Науч.-издат. центр “Ладомир”, 1996. — 240 с.
- Головнев А.В.** Смотрящий за миром // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. — Тобольск; Омск, 2001. — С. 33 — 36.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока. — М.: Наука, 1976. — 197 с.
- Дмитриев А.А.** Пермская старина: Сб. ист. статей и материалов о Пермском крае. — Пермь, 1893. — Вып. 5: Покорение Угорских земель и Сибири. — 220 с.

- Дубровин Г.Е., Окорочков А.В., Старков В.Ф., Черновитов П.Ю.** История северорусского судостроения. – СПб.: Алетей, 2001. – 231 с.
- Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М.: Наука, 1967. – 297 с.
- Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Лев Н. Гумилев. Открытие Хазарии. – М.: ДИ – ДИК, 1996. – С. 281 – 422.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Иванов А.Г.** Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: Б.и., 1998. – 308 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия.** – Екатеринбург: Изд-во НППМ “Волот”, 1999. – 300 с.
- Ковалевский А.П.** Книга Ахмада Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков: Кн.-журн. изд-во, 1956. – 347 с.
- Крамаровский М.Г., Федорова Н.В.** Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1991. – 42 с.
- Кутепов Н.И.** Великокняжеская и царская охота на Руси. – СПб., 1896.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси.** – М.: Наука, 1999. – 568 с.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163 – 235. – (Сер. “Археология СССР”).
- Молодин В.И.** Находка меча из Западной Сибири (предварительное сообщение) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук № 11. – 1976. – Вып. 3. – С. 125 – 127.
- Монахов В.Г.** Соболь Урала, Приобья и Енисейской Сибири. – Екатеринбург: БКИ, 1995. – 154 с.
- Очерки истории Югры / Ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев.** – Екатеринбург: Волот, 2000. – 408 с.
- Полное собрание русских летописей.** – СПб.: Б.и., 1843. – Т. 1, 2.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта.** – М.: Наука, 1971.
- Семенова В.И.** Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 295 с.
- Соболь, куница, харза / Ред. А.А. Насимович.** – М.: Наука, 1973. – 293 с.
- Сокровища Приобья / Ред. Б. Маршак, М. Крамаровский.** – СПб.: Формика, 1996. – 227 с.
- Федорова Н.В.** Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X – XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 24 с.
- Федорова Н.В.** Золотоордынская торовтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка, литературы, 1991. – С. 193 – 204.
- Хорошкевич А.Л.** Торговля Великого Новгорода в XIV – XV в. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 365 с.
- Шахматов А.А.** “Повесть временных лет” и ее источники // Тр. Отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 4. – С. 9 – 150.
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

Материал поступил в редколлегию 04.06.02 г.

УРАЛО-СИБИРСКИЙ СТИЛЬ В МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКЕ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

С середины I тыс. н.э. на территории лесной и лесостепной полосы Урала и Западной Сибири был широко распространен характерный для средневековья этих регионов своеобразный стиль в изобразительном искусстве – урало-сибирский. Он нашел отражение в бронзовых зоо- и антропоморфных изображениях, относящихся к нескольким культурам, в т.ч. к верхнеобской, и не во всех регионах представлен одинаково. В данной статье мы постараемся выяснить, в какой степени этот стиль характерен для всей лесостепной верхнеобской культуры и для ее локальных групп.

Урало-сибирский стиль в верхнеобской культуре

На территории Приобья рассматриваемый стиль особенно ярко представлен в материалах синхронных культур таежной зоны: релкинской [Чиндина, 1977, с. 41 – 51, рис. 35], потчевашской, нижнеобской (оронтурский этап) [Чернецов, 1957, табл. 29 – 31]. Базой для его развития были территории Урала и Приуралья, где он зародился в эпоху раннего железа [Оборин, Чагин, 1988, с. 26]. Этот стиль исходил из идеологии лесного населения, в жизни которого исключительно большое значение имела охота, поэтому с V – VI вв. он получил широкое распространение в лесных (таежных) культурах Западной Сибири. В Приобье основой для развития указанного стиля стало кулайское изобразительное искусство раннего железного века, искусство населения, занимавшегося присваивающим хозяйством [Чиндина, 1984,

с. 72 – 76]. Оно повлияло на формирование урало-сибирского стиля в Западной Сибири [Конинов, 1987, с. 149].

Верхнеобская культура (V – IX вв. н.э.) имела четыре локальных варианта: томский, новосибирский, кузнецкий и барнаульский [Троицкая, Новиков, 1998, с. 81 – 83]. Рассмотрим проявления в них урало-сибирского стиля на материалах археологических раскопок и случайных находках на памятниках, относящихся к верхнеобской культуре. Материалы культовых мест (в археологии Сибири они носят название “клад”) мы не привлекаем, поскольку эти места могли быть центрами больших территорий, превосходящих по размерам ареалы того или иного варианта верхнеобской культуры.

Урало-сибирский стиль характерен прежде всего для лесных культур. Остановимся на относящейся к этому кругу релкинской культуре, памятники которой были прослежены на территории Среднего Приобья, соседствующей с зоной распространения верхнеобской культуры. Раскопан один могильник – Релка, содержащий около 60 могил V – VIII вв. н.э. В могилах, насыпях и на территории самого могильника выявлены 21 антропоморфная и 24 зооморфные фигуры [Чиндина, 1977, рис. 34, 35]. Антропоморфные изображения представлены целыми фигурами и отдельными головами – личинами со следами татуировки на щеках. Чаще всего встречаются изображения медведя (всего или только головы), водоплавающей птицы, лошади, совы или филина с распростертыми крыльями и личиной на груди. Изображения соболя и ящерицы представлены единичными экземплярами. Имеются сложные композиции: орел, клюющий морду зверя; хищная птица,